

Г я у р ь (*).

Ни малѣйшій въперокъ не рябилъ волнь, копорья величественно развивались подь скалою, гдѣ покоишься прахъ Арисидова соперника. Памятникъ Героя царшвуетъ надъ спраною, копорую нѣкогда рука его спасла отъ Персидскаго ига. Онъ издалеца виденъ съ моря пловцамъ, возвращающимся на судахъ своихъ въ гавань. Скоро ли родишься другой Оемиспоклъ?

Прекрасный климашъ! Тамъ каждое время года ласково улыбается плодоснымъ островамъ, копорые глазъ открываешь съ высоты Колонны, (**), и копорыхъ видъ очаровываетъ сердце и склоняешь его къ сладкой задумчивости!

Тамъ Океанъ дивится, смотря на поверхность едва колыхаемыхъ волнь своихъ, въ копорыхъ отражаются вершины горъ, вѣнчающихъ сѣи счастливые острова. Если иногда перелѣшний въперъ слегка взволнуетъ лазоревый кристалль моря, или сорветъ цвѣшокъ съ стебля: то услужливые зефиры повсюду разнесутъ на крылахъ прѣятное благоуханіе. Тамъ и на горахъ и въ долинахъ цвѣшеть любовница соловья — роза, (***) прелестный цвѣшокъ

(*) *Неотрпий*, имя, которое Турки даютъ Хрисіянцамъ.

(**) Прежде сей мысъ назывался *Sunt*.

(***) Сказка о любви соловья и розы весьма известна на Востоку.

— предметъ спрасныхъ вздоховъ пѣвца ночей. Царица садовъ, милая роза, краснѣя, слушаетъ его любовныя пѣсни. Не боясь ни холодныхъ вѣтровъ, ни снѣговъ сѣвера, она распукается отъ шеплага дыханія весеннихъ зефировъ, куритъ, какъ благодарный еиміамъ, ароматы, ей природою подаренные, и яркими красками испещряя лужайки, украшаетъ въ свою чреду мѣста, приютомъ ей служація. Тысяча прелестнѣйшихъ цвѣтовъ разрисовываютъ тамъ ковры муравчатые. Тѣнистыя рощицы приглашаютъ любовниковъ; прохладныя пещеры предлагаютъ имъ таинственное убѣжище; увы! онѣ укрываютъ морскаго разбойника, подъ наклономъ утеса, скрывающаго ладью свою и ожидающаго благопріятной минуты для нападенія на мирнаго плавателя. Когда взойдетъ звѣзда вечерняя и веселый пловецъ пробуждаетъ звуки гитары, (1) тогда ночной воръ быстро разсѣкаетъ волны и нечаянно нападаетъ на свою добычу; не пѣсни радости, но вопли и стоны разносятся по окрестностямъ.

Спрана злополучная! природа украсила тебя своими дарами и содѣлала обителью достойною боговъ, почто же человекъ-испребитель превращаетъ сей рай въ дикую пустыню? почто топчешь онъ ногами сіи блестящія цвѣты, которые не орошены его попомъ, и какъ будто предупреждая его желанія,

(*) Любовный музыкальный инструментъ Греческихъ мореплавателей.

расшуть безъ всякой обработки и пребудуть только пощады?

Возможно ли, чтобы въ клипахъ, гдѣ все дышетъ спокойствіемъ и счастьемъ, спраши ешоль ужасно свирѣпствовали? Прилично ли въ сихъ очаровательныхъ мѣстахъ гнѣздились грабежу и разбою? — Можно подуматъ, что адскіе духи, вырвавшись изъ горящей бездны, и побѣдя вѣрныхъ Серафимовъ, гордо возсѣли на престолахъ неба. Такова счастливая страна Грековъ, шаково варварство ея повелителей, ея разорителей!

Случалось ли вамъ видѣть усопшую красавицу? (*) Когда не прошекъ еще первый день смерти, день, въ который начинается разложеніе тѣла, послѣдній опасности и оправданія; прежде, нежели рука смерти обезобразитъ сіи черты, въ которыхъ дышатъ еще прелести: замѣтили ли вы сей тихій, Ангельскій образъ, сіе сладостное успокоеніе и слабый нѣжный румянецъ, вышупающій на помной блѣдности ланитъ ея? Увы! огонь не блещетъ изъ сихъ очей навсегда смежившихся; они не покаряють сердце, не проливають слезъ, и сіе чело, охлажденное

(*) Вѣроятно, немногіе изъ моихъ Читателей бывали очевидцами печальнаго зрѣлища, которое здѣсь описывается; но тѣ, которые видѣли умирающаго друга, конечно были поражены, какъ я, красотою, которая нѣсколько часовъ по смерти сохраняется на лицѣ человѣческомъ. Замѣчательно также, что въ чертахъ убитаго изъ огнеспрѣльнаго оружія видна тѣньность; погибшій же оръ сабли или кинжала, сохраняетъ на лицѣ своемъ послѣднія чувства души своей въ минуту кончины.

смертью, ужасаетъ сердце печальнаго пощипшела. Еще нѣсколько мгновений Увы! они быспро промчашся; одинъ часъ разбѣшетъ всѣ сомнѣнія еще нѣсколько мгновений мы не вѣримъ, что она скончалась: споль мирно и шихо послѣднее выраженіе сего лица, съ котораго жизнь уже слетѣла.

Таковъ образъ сего берега: это Греція, но Греція безжизненная; ея холодное спокойшвіе, ея мершвая красоша приводитъ въ трепетъ. Она сохранила еще шу прелестъ, копорая не веля улешаетъ съ послѣднимъ дыханіемъ жизни; но красоша ея померкла и пугаетъ опечаленный взоръ гробовымъ цвѣшомъ. Это послѣдній лучъ умирающаго сіянія, золошая заря надъ развалинами, послѣдняя мысль охолодѣвшаго чувешва, искра небеснаго огня, копорая еще свѣшштъ, но не согрѣвашъ любимой sprawy своей.

Опчизна Героевъ, достойная вѣчной памяти! . . . Твои поля и горныя ущелья были приюномъ свободы, или гробницею славы; священный храмъ героизма, какъ мало намъ ошъ тебѣ уцѣлело! Вѣщайте, низкіе и ползающіе рабы! не Термопилы ли предо мною? Вѣщайте, униженные потомки независимаго народа! какое это море? Какъ называшся этоиъ берегъ? Не это ли заливъ, не это ли утешь Саламинскій? О! да будешь сіи славныя мѣсна снова опчизною Грековъ! Возспашыте, вспомнише подвиги своихъ предковъ; разгребите ихъ могильный пепель; шамъ вѣрно заронилась искра, копорая вспыхнешъ въ

сердцахъ вашихъ. Тотъ, кто погибнетъ въ сей благородной битвѣ, оставишь пошомкамъ грозное имя, кошораго будутъ шрепешашъ мучители! Онъ оставишь сынамъ своимъ славный примѣръ для подражанія. Они, въ свою чреду, предпочшупъ смерть сшды; борьба за независимосшь, кошорую дѣды завѣщавають внукамъ, всегда кончится побѣдою! Безсмертныя страницы швоихъ лѣтописей, о Греція! сквозь мглу вѣковъ проповѣдують намъ сію истину; между шѣмъ, какъ могущіе Цари востока погребены во шмѣ вѣковъ и оставили намъ одни безъимянныя пирамиды: время сокрушившее шполдъ, надъ могилою швоихъ Героевъ воздвигнушый, сохранило имъ неразрушаемый памятникъ — горы ошечеспвенныя. Тамъ, Муза швоя указываешь страннику гробъ безсмертныхъ.

Кто расскажешь намъ длинную и печальную Исторію швоего померкнувшаго величія? Ахъ! по крайней мѣрѣ, ни одинъ чужештранный завоеватель не можешь похвалиться, что одолѣлъ швое мужество; оно само себя измѣнило: шы унизилась и слабодушно покорилась варварамъ, кошорые наложили на шею цѣпи.

Что расскажешь нынѣшній востѣшишель береговъ швоихъ? Можешь ли шы предшавишь хотя одинъ подвигъ, достойный древнихъ временъ, могущій извлечь изъ его лиры звуки досшойные Музы, кошорая воспѣвала иъкогда дѣлннхъ сыновъ швоихъ, тогда

какъ ты производила на свѣсъ мужей достойныхъ Греціи?

Почто сіи сердца долинныхъ жителей, почто сіи пыклія души, не пылають высокимъ мужествомъ? Почто твои робкіе сыны, рабы рабовъ (*) опть колыбели до могилы пресмыкаюшся? Глухи къ голосу чести, а не злодѣйства, они замараны всѣми гнусными пороками, унижающими чловѣка передъ животными, но не могушь похвалиться ни одною доблестью дикихъ народовъ: они незнакомы ни съ свободой, ни съ храбростью.

Являюся ли они въ сосѣдственныхъ гаваняхъ? Каждый изъ нихъ щеголяетъ коварствомъ, кошорымъ издревле предки ихъ славились. И шеперь еще Греки слывуть хитрыми; пронырливостъ естъ единственное ихъ право на извѣстность. Я о нихъ не жалю.

Происшествіе, которое я здѣсь описываю, случилось въ Греціи; оно печально; оно заставило плакать шѣхъ, кошорые въ первый разъ его слышали.

Огромный ушесъ бросаешь длинную шѣнь на воды и издали походишь на ладью морскаго разбойника, или коварнаго Майноша. (**) Рыболовъ боишся за свой челнокъ и не пристаешь къ сему гибельному

(*) До послѣдняго возстанія Грековъ, Аешны былъ собственностью *Кизляр-Аги* (начальника черныхъ Евнузовъ *Серали*); онъ назначалъ шуда Воеводу. *Л. В.*

(**) Майношы обитають нынѣ въ Лаконіи. Многие Ученые люди утверждаютъ, что они истинные потомки Спартанцевъ. *Л. В.*

мысу; усталый и счастливый обильною дождею, онъ тихо плывешь къ безопасному Леонскому берегу, и рѣдко ударяя веслами, любиешся свѣшломъ, украшающимъ ночи воспока

Кто скачешъ, какъ вихрь по долинь? Его конь черенъ, какъ крыло врана; попошь копышь, какъ грохошь грома въ долинахъ, далеко опшываешся въ каменныхъ ущельяхъ; пѣна, покрывающая удила, бѣлѣ гнѣвныхъ валовъ Океана. Тишина воцарилась на равнинь моря, но не въ сердцѣ швоемъ, юный Гяуръ! завшре буря взбуншуешь смирилы волны, но жесточайшая буря свирѣпшвуешь въ груди швоей. Ты незнакомъ мнѣ; я ненавижу шрану швоего рожденія; но замѣчаю на лицѣ швоемъ чершы, кошорыя само время никогда не изгладитъ; не смотря на молодешъ и блѣдность, пламенные шпросы избраздили чело швое и изсушили душу; хошя швой суровый взоръ пошупленъ въ землю, но я узналъ въ шебѣ одного изъ шѣхъ невѣрныхъ, коихъ должны бы изгнать, или умершвишь поклонники Моггамеда.

Изуженные глаза мои долго слѣдовали за быспрокачушымъ всадникомъ, и хошя онъ исчезъ, какъ ночной призракъ, однако образъ его, какъ шемное воспоминаше, напечатлѣлся на моемъ сердцѣ, и попошь скакуна его долго опшывался въ моемъ слухѣ. Онъ промчался мимо высокой скалы, нависшей надъ морскою бездною, и скрылся за симъ огромнымъ камнемъ. Непрѣятна встрѣча съ незнакомцемъ для

шого, кто въ полночь спѣшишь укрышься отъ людскихъ взоровъ; ему сіяніе звѣздъ ненавистно. Онъ исчезъ, но прежде оспановилъ коня, кошорый жарко раздыхался, привсаль на спреженахъ, огаянулся..... Чего ищущъ глаза его въ ближней оливковой рощѣ? Луна сіяетъ на холмѣ, лампы не поухли еще въ мечетяхъ; ему не слышны ружейные выстрѣлы, но онъ можешь видѣшь молнійный блескъ вспыхнуваго пороха. Сегодняшнимъ вечеромъ закашилось послѣднее солнце Рамазана, (*) и ночью начинается Байрамъ у Мусульманъ правовѣрныхъ. Но кто ты? Чшо ты сдѣлалъ? Твоа одежда обличаетъ чужестранца! За чѣмъ споль свирѣпъ взоръ твой? За чѣмъ убѣгаешъ ты отъ нашихъ мечетей и праздниковъ?..... Легкій страхъ на минушу выступилъ на его лице; но скоро на немъ изобразилась ненависть. Эшо былъ не румянецъ мгновенной вспыльчивоспи, а блѣдносшь мрамора, кошорога мершвал бѣлизна усугубляетъ мракъ кладбища. Голова его поникла и взоръ былъ неподвиженъ; онъ подиялъ руку съ угрозой, и, казался, нѣсколько минушь въ раздумѣ, бѣжашъ ли ему, или возвращишься? — Но вороной конь его заржалъ отъ неперпѣнія; рука всадника упала на рукояши кинжала; ржаніе коня разсѣяло его думы: шакъ злобѣщій крикъ совы шревожно прерываешъ сонъ нашъ.

(*) *Рамазанъ* постъ, а *Байрамъ* масляница Турецкая. При солнечномъ закатѣ, начало *Байрама* возвыщается пушечнымъ выстрѣломъ. Ночью же, освѣщеніе мечетей и выстрѣлы изъ ружей и вислопешовъ означаютъ, что наступилъ сей праздникъ. Д. Б.

Глузь вонзилъ шпоры въ бока вѣрнаго коня своего — и онъ полетѣлъ, какъ быстрый *Джерридъ*, (*) сильною рукою брошенный. Уже узкій перешеекъ оспался далеко за нимъ; прибрежное эхо замолкло, не видно горделиваго чела Христіанина; онъ еще разъ остановился — и вдругъ помчался еще шибче, какъ будто смерть гналась за нимъ. Въ эшошъ крапкѣй мигъ въ душѣ его столпились годы воспоминаній, цѣлая жизнь мученій и цѣлый вѣкъ злодѣйствъ. Такія минушы давятъ всѣми прошедшими горестями сердце, волнуемое любовью, ненавистью, или страхомъ. Какой муки не вытерпѣлъ *Глузь*, размышляющій о себѣ самомъ и обремененный пысачью шажкихъ воспоминаній? Сей промелькнувшій мигъ показался ему вѣчностью. Совѣсьшъ воскресла въ душѣ его безчисленный рядъ порочныхъ дѣяній.

Глузь уже далеко! одинъ ли онъ? что привело его сюда? проклятъ день его пріѣзда и отъѣзда! Чертоги превратились въ гробницу за грѣхи Гассановы. *Глузь* явился здѣсь предсечею смерти и запуснѣнія, какъ пагубоносный *Симунъ*, (**), который не щадитъ даже темнолиственнаго кипариса, переживающаго всѣ другія деревья, и вѣрнаго спущ-

(*) *Джерридъ*, дрошикъ, который наѣзники бросаютъ сильно и мѣтко. Турки очень любятъ сію забаву. Я почитаю сіе искусство недостойнымъ челоуька, ибо черные Константинопольскіе Евнухи считающаюся искусѣйшими *Копѣмѣтами*; за ними слѣдуютъ Мамелюки. Турки весьма неловко владѣють дрошикомъ. Л. Б.

(**) *Симунъ*, пустынный вѣшеръ, пагубный для каравановъ. Сіе имя часшо встрѣчается у Восточныхъ Поэшовъ. Л. Б.

ника нашего въ самую могилу, печально осѣняющаго надгробные памятники.

Конюшни *Гассановы* опустѣли, рабы не суемятся въ переходахъ чершоговъ, уединенный паукъ застываетъ ихъ стѣны стѣрою пканью, непопырь гнѣздишя въ перемахъ Гарема — и сова поселилась на крѣпостной башнѣ; дикая собака, помимак голодомъ и жаждою, воешь на краю изсохшаго водоёма; ясная рѣчка не печешъ уже по мраморному водоводу; на засорившемся днѣ купальни распешъ колючій терновникъ. Здѣсь въ счастливыя времена живая вода освѣжала воздухъ, поднималась серебрянымъ шолпомъ, и упадая на землю благотворною рососою, озеленяла веселую лужайку! звѣзды смотрѣлись въ сіе кристальное зеркало; сладкое журчаніе водоскаша пріятно нарушало ночное безмолвіе.

Какъ часно *Гассанъ*-младенець рѣзвился на берегу зпаго ручья! какъ часно тихій шумъ воды усыплялъ его здѣсь на рукахъ мапери! и Одалиски очаровательнымъ пѣніемъ плѣняли юнаго *Гассана*; ихъ голосъ, сливаясь съ говоромъ водъ, казался еще восхищительнѣе.

Гассанъ не придетъ сюда въ старости вкушашъ сладкій соць до зари ушренней; изсыкли прохладные водомешы; его кровь застыла въ его жилахъ; замолкъ въ роскошныхъ садахъ человѣческой голосъ: не гремишь гнѣвъ, не стонешъ печаль, не восклицаетъ радость.

Въ послѣдній разъ, эхо грустно повторило смерчныя вопли опечаленной женщины! Съ тѣхъ поръ, ни что не нарушаетъ глубокой тишины сей опустѣвшей обители; только въсперъ смучишь иногда въ разбитыя окончины. Буря хлопаетъ дверями, срываетъ крышу, дождь льется въ щели — и ни кто объ этомъ не заботится. Пустешественникъ, бродящій въ этой пустынѣ, обрадовался бы увидѣвъ на пескѣ слѣды дикаго; постыпшиелю пріятно было бы встрѣтити въ *Гассановыхъ* чершogaхъ какого-нибудь несчастливца, сюда ошъ свѣта удалившагося; онъ бы услышалъ ошрадный человѣчскій голосъ, кошорый сказалъ бы ему: „ты не одинъ; здѣсь есть другое живое существо.“ Позолоченныя щели свидѣтельствуютъ о прежнемъ великолѣпнѣи замка. Разрушеніе медленно подкапываетъ сѣи мраморныя своды; но, мнишь, ужасъ возсѣднѣтъ на прагъ. И самый Факиръ не смѣешь искашь себѣ здѣсь убѣжища; кочующій Девшишь проходнѣтъ мимо; онъ не сыщеть здѣсь ни гощепрїимства, ни милосшыннн; ни чья рука не предложнѣтъ ему хлѣба-соли. (*) И богачу, и бѣдняку равно поешыло сѣе мѣсто. *Гассанъ* погнбъ въ шѣснннахъ горъ; съ ннмъ удалнлись ошсюда жалосшь и благоволеніе къ челошѣкамъ; въ его щелннахъ укрьвалнсь безпрїошнныя; щеперь вднно толькo разрушеніе.

(*) Если вы сидѣли за трапезою своего хозяина, если онъ поднесъ вамъ хлѣбъ-соль: то вы безопасны, хотя бы открылось, что вы врагъ его. А. Б.

Госпи екрылись изъ черногоровъ пиршесства; поселяне разбѣжались, нивы поросли волчцемъ; *Глурь* разрубилъ голову *Гассану*. (*)

.

.

Толпа Мусульманъ ко мнѣ приближается; слышанъ шелестъ ногъ ихъ; они безмолвны. . . близко можно различить цѣпъшъ каждой чалмы и серебряныя ножны ихъ *Ятагановъ*. (**) По зеленой одеждѣ я узнаю Эмира (***) , ихъ Начальника. „Кшо ты?“ (****) закричалъ онъ мнѣ. „Мой низкой поклонъ; ошвѣчалъ я, свидѣтельствуюсь вамъ, что я Мусульманинъ; ноша, которую охраняете вы спольщательно, безъ сомнѣнія, драгоценна. Не угодно ли переправиться черезъ заливъ? лодка моя къ вашимъ услугамъ.“ — — „Ошчалъ,“ отрывисто сказала мнѣ Эмиръ, — „и гребите прочь отъ берега, прямо къ тому мѣсту, гдѣ ушесы образуютъ какъ бы водоёмъ посреди моря брось весла;

(*) Магомедъ между прочими добродѣтелями поставилъ жалость къ человеколюбие: надобно признаться, что Мусульмане свято наблюдаютъ сію обязанность. *Л. Е.*

(**) Турецкіе мечи называются *Ятаганы*; они вмѣстѣ съ pistolетами зашкнуты за поясомъ. Ихъ ножны обыкновенно изъ мѣшала и часто серебряныя; у богатыхъ же Турокъ золотыя. *Л. Б.*

(***) Зеленый цѣпъшъ носятъ тѣ Магомедданы, которые ведутъ родъ свой отъ сего Пророка. *Л. Б.*

(****) *Саламъ-Алейкумъ! Алейкумъ-Саламъ! да будетъ миръ съ тобою!* Привѣстивше Мусульманъ между собою. Христіанину говорящъ: *урлаарула! добрый путь;* вѣкъ: *Сабанъ-Гирсежъ, Сабанъ-серула!* т. е. *добрый день, добрая ночь;* иногда же: *будь счастлива.* *Л. Б.*

мы доплыли до назначеннаго мѣста“ Брошенная въ море ноша, мало по малу, попонула; моему внимательному глазу показалось нѣчто движущееся на лазоревой равнинѣ эпо былъ лучъ мѣсяца, на водахъ мелькнувшій; пристально смошрѣлъ я до шѣхъ поръ, пока брошенная ноша со всѣмъ исчезла, подобно камню, которой вершась, ко дну опускается — и оставляетъ на поверхности воды легкій кругъ, который скоро расплывается: остается бѣлое пятно, едва замѣтное. Тайна сего происшествія погребена на днѣ Океана, она пзвѣстна водянымъ духамъ, но они, шренеца въ коралловыхъ своихъ пещерахъ, никому опкрышь ее не осмѣлились

Видали ль вы, какъ въ райскихъ долинахъ Кашемира, (*) младенецъ ловишь царицу восточныхъ бабочекъ? Каждый разъ, когда она садится опдыхать на цѣшчокъ, онъ пропягиваетъ жадную руку, сердце его бьется; онъ думаетъ, что уже схватилъ ее; но она увернулась, порхаетъ на лазоревыхъ крылышкахъ и оставляетъ рѣзваго ловца въ слезахъ и успалаго! Блестящая и рѣзвая, какъ бабочка, красавица смѣется прелѣдованіямъ младенца, сдѣлавшагося человекомъ: прелѣдованіямъ, которыя смѣшаны изъ надеждъ и спраховъ, которыя начинаются глупостями, оканчиваются слезами. Если

(*) Лазоревая Кашемирская есть рѣдчайшая и прелеснѣйшая бабочка въ цѣломъ свѣтѣ. Л. Б.

же бабочка и красавица пойманы: по одинакія несчастія ожидаютъ ихъ обѣихъ: одна дѣлается игрушкою младенца, другая невольницею челоуѣка. Сей прелесный предметъ, кошораго мущины домогаются съ шакимъ жаромъ, перьяетъ всю свою цѣну, какъ скоро онъ принадлежитъ искапелю. Опъ нѣжнаго прикосновенія ласкающей руки лияютъ яркія краски ея, шускнѣетъ ея сіяніе. Тогда пускаютъ ихъ на волю, или небрежно роляютъ на земь. Въ какихъ мѣстахъ обѣ сіи жерпвы найдутъ убѣжище? у одной оборваны крылья, у другой сердце кровью обливаеся! бабочкѣ нельзя по прежнему порхать съ нарцисса на розу! юной дѣвицѣ, не возможно жить бывалыми мечшамн младенчества! Увы! ни одно жалоспливое насѣкомое не согрѣетъ подъ своимъ крыломъ умирающей бабочки; женщины снисходительны къ однимъ собсшвеннымъ слабостямъ; онѣ гошовой помочъ каждому несчастливцу; но отказываютъ въ слезѣ бѣдной, обольщенной подругѣ

Сердце, палимое угрызениями совѣсти, похоже на скорпіона, въ огонь брошеннаго; пламя кругомъ его обхватило — и кругъ его становишся шѣсѣе, по мѣрѣ шого, какъ огонь разгораеся. Узникъ чувствуетъ боль несшерпимую; вдругъ спраданіе превращаеся въ бѣшенство: ядовитое жало всегда было смерпоносно врагамъ его. Онъ жалишь имъ самъ себя и въ одинъ мигъ оканчиваеся свои муки. Такимъ образомъ злодѣй прекращаеся дни свои,

если не хочешь жить подобно скорпиону, жегомому пламенемъ. Такимъ образомъ испавается человекъ, грызомый совѣсью; земля его опшвергаешъ, небо для него зашворено, мракъ въ головѣ его; подь спшнами опчаянїе; кругомъ пламень; и смершь у него въ сердць. (*)

Задумчивый *Гассанъ* не посѣщаль своего Гарема; прелесшь и красота не прельщали глазъ его; ежедневно скакаль онъ по лѣсамъ за звѣрями, искаль въ охощъ разсѣянїя, а не забавы. Не шакъ скучно проводиль время свое *Гассанъ* въ шу пору, когда *Лейла* украшала сераль его но гдѣ же *Лейла*? Одному *Гассану* эшо извѣстно! . . . Сшранные слухи носились объ эшомъ въ городѣ; многїе увѣряли, что въ послѣдную ночь Рамазана, когда ярко освѣщенныя башни Минарешовъ сїанїемъ своимъ возвѣщали правовѣрнымъ о наступающемъ праздникѣ Байрама, *Лейла* пришворилась, будшо идѣшь въ купальню, и вмѣшо шого, переодѣшая Пажемъ, обманула зоркихъ прїставниковъ — и смѣялась надъ ревностью своего Господина въ объяшїяхъ коварнаго *Глура*.

Гассанъ имѣль объ эшомъ какое-шо шайное предчувствїе; но *Лейла* съ такою нѣжностью къ нему ласкалась! Онъ шшрасшно любиль ее, слѣпо довѣряль ей, и въ самый вечеръ ея бѣгешва, спокойно опшправилосъ въ мечеть на богомолье.

(*) Нѣкоторыя ученые хотїяшь сдѣлать скорпиона самоубїйцею, *Катономъ насѣкомымъ*; другїе сїе опшвергають. Л. Б.

По крайней мѣрѣ, шакъ разсказываютъ объ этомъ случаѣ его черныя невольники, слишкомъ оплошныя въ своемъ надзорѣ; другіе увѣряють, что въ эту ночь они при блѣдномъ сіяніи *Фингары*, (*) видѣли *Глура* скачущаго вдоль берега на ворономъ конѣ; однако съ нимъ не было ни Пажа, ни юной дѣвицы

(**)

Чья кисть въ силахъ изобразить черноогненные очи *Леллы*? Глаза серны не помнѣе и не прекраснѣе; очи *Черкашенки* сіяли, какъ рубинъ *Ямшида* (***) и душа выражалась въ каждомъ взглядѣ. О магомедъ! ты самъ бы не повѣрилъ, что изъ бренной глины могла образоваться красота столь совершенная: нѣтъ, ей нельзя уничтожиться! *Лелла* имѣла душу: я гошовъ утверждаю это, переходя чрезъ огненное море по опасному *Аль-Зирату*. (****) Я гошовъ утверждаю это въ виду рая и манящихъ меня *Гурій*. Тотъ, кто видѣлъ *Леллу*, переспрашиваетъ въришь, что женщина не одарена безсмертною душою и осуждена въ этой жизни быть

(*) *Фингары* восточная *Діана*, луна. Л. Б.

(**) Точки какъ въ эпосѣ мѣсяць, шакъ и въ другихъ, поставлены самими *Сочинителемъ*. В.

(***) Славный рубинъ Султана *Ямшида*, названный *Шебгерахъ*, свѣтильничекъ ноги, *гаша солица*. Л. Б.

(****) *Альзиратъ*, мостъ шириною въ нитку паутины, по которому мусульмане переходить должны въ рай: нѣтъ другой дороги! но что всего хуже: рѣка, текущая подъ сѣмъ мостомъ есть адъ, въ который, какъ легко себя вообразить можно, каждый, при малѣйшей неосторожности, упасть можетъ. Каковы же страсти тѣхъ, которые за ними идутъ? Л. Б.

игрушкою своеправнаго мужчины. (*) Самые пабожные Муфши, смотря на нее съ удивленіемъ, были бы принуждены сознаться, что изъ подъ длинныхъ рѣсницъ ея блещеть лучъ божества. Румянецъ ея ланишь не уступалъ алымъ цвѣтамъ гранаша; (**) ея власы, какъ наклонившійся гяципшь, (***) дошавала до ногъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, еще не запятанный землею.

Какъ спашный лебедь, гордо плывущій по ясной влагѣ, прелестная Черкашенка поражала взоры величавою походкою, спройнымъ снамомъ и высокимъ ростомъ. Никогда *Франгестанъ* (****) не произвелъ ничего подобнаго!

Лебедь, осаясь, расправляеть бѣлую шею и распустивъ крылья, бѣшетъ ими по водѣ, когда челоуѣкъ подойдишь близко къ берегу.

Таковыже роскошныя округлоспи и бѣлая выя *Ленлы*; съ такимъ же благородствомъ удаляла она ошь себя любопытныхъ, осмѣлившихся смотрѣть на дивныя красы ея.

Достоинство и прелестъ дышамы во всѣхъ ея движеніяхъ; блаженъ шощъ, кто умѣлъ шронушь ея

(*) Магомедъ не изгонялъ женскій полъ изъ рая; на прощивъ, по кордану шрешъ рая отведена для добродѣтельныхъ женщинъ. Это выдумали шолковашели, которые утверждають, что небо для лучшей половины челоуѣческаго рода зашворсно. *Л. Б.*

(**) Воспочное сравненіе. *Л. Б.*

(***) Сіе сравненіе также часто встрѣчается у Турецкихъ Поэшовъ, какъ и у Греческимъ. *Л. Б.*

(****) Франгестанъ, земля Черкесовъ. *Л. Б.*

сердце! Строгий *Гассанъ*! кто сей счастливецъ?
Увы! не тебѣ принадлежишь это имя, хотя ты
обладаль ею
. (**)

Гассанъ отправился въ путь, сопровождаемый
двадцатью шлохранишелями, съ ружьями и кин-
жалами. Эмиръ въ военной одеждѣ ѣхалъ впереди;
онъ былъ опоясанъ саблею, кошорая обагрена
Албанскою кровью въ шой бишвѣ, гдѣ изру-
блены въ куски всѣ мяшежники, кромѣ нѣсколькихъ
бѣглецовъ, принесшихъ ужасную вѣсть о семъ по-
раженіи въ опечесивенныя горы. Пистолеты пода-
рены ему однимъ Пашею, и хотя украшены золо-
томъ и дорогими камнями; однако жъ не богатство,
а мѣшкосшь давало имъ цѣнность. Слухъ дошелъ,
что *Гассанъ* избралъ себѣ другую супругу, вѣрнѣй-
шую измѣнницы *Лейлы*, убѣжавшей изъ Гарема
и съ кѣмъ? съ проклятымъ *Глуромъ*

Послѣдніе лучи солнца позлащали сбѣгающій съ
холма ручей, напалющій Горцевъ смуденою и ясною
водою. Здѣсь измѣненный Греческій купецъ можетъ
найти шонъ безмяшежный прионъ, кошорого на-
прасно ищешь онъ въ городахъ, гдѣ жилище его
смежно съ жилищемъ безчеловѣчныхъ его мучишелей.
Здѣсь, онъ можетъ схоронить сокровище онъ алч-
ныхъ глазъ корыслолюбивой власти. Въ городахъ

(**) Точки вездѣ поставлены самимъ Сочинителемъ. В.

онъ рабъ, въ пустыняхъ — человекъ свободный; здѣсь онъ можешь по волѣ вкушашь напишокъ, строго запрещенный Мусульманамъ

Ташаринъ скачешь впереди дружины *Гассановой*; онъ въѣзжаетъ въ шѣснину; издали распахиваешся желтая епанча его; Эмиръ и его спутники медленно и одинъ за другимъ спянутся. Спремившій ушешь возвышаешся надъ ихъ головою; на немъ яспреба оспрашъ кровожадные свои клѣвы, какъ будто предчувствуя, что имъ гошовишся обильная добыча. Недалеко опшолъ зимній пошокъ, солнцемъ изсушеный, оставилъ на горячемъ пескѣ изрытый слѣдъ, кое-гдѣ обросшій кудрявымъ кустарникомъ; дно его устлано обломками сѣровашаго гранита, кошорый время, или громъ опломилъ опъ горъ заоблачныхъ. Кшо изъ смершныхъ видѣлъ высокую главу *Лиакури*?

Уже Эмиръ съ дружиною въѣзжаетъ въ сосновый боръ: „*Бисмиллахъ* (*)! мы миновали всѣ опасности!“ — вскричалъ Чаушъ, — „я вижу широкое поле; скоро можемъ пусшишся во всю прышь!“ Съ симъ словомъ, пуля просвисчала мимо ушей его — и передовой Ташаринъ грянулся на землю. Пупники *Гассановы* шоропливо подобрали поводья, спрыгнули съ коней и шрое изъ нихъ уже не вложашъ ноги въ спремья кони ихъ осиропѣли; шщепно зывающъ они о мщеніи, ихъ постигъ ударъ руки не-

(*) *Бисмиллахъ*, во имя Бога! шакъ начинается каждая глава Алкорана, изключая одну. Симъ словомъ начинаютъ Магомедане свои молишвы и благодарность. Л. Б.

видимой; ихъ поварищи обнажили яшаганы, прицѣлили ружья, но припавъ къ лошадиной шеѣ спарались предохранить головы ошъ свинца враждебнаго; другіе, не желая погибнуть безъ защиты ошъ ударовъ непріятеля, поражающаго ихъ изъ засады, скрылись за ближнимъ камнемъ. Одинъ *Гассанъ* неспрашимо продолжаетъ пушъ; ружейный залпъ ошкрылъ ему, что единственная дорога изъ шѣнины занята разбойниками и что гибель его неизбежна.

Усы его зашевелились, (*) очи засверкали ошъ ярости. „Я презираю, воскликнулъ ошъ, свисшія пули, мнѣ близко знакомы опасности.“ — Въ это время, вождь непріятельскій выскочилъ изъ засады, закричалъ *Гассановымъ* шѣлохранителямъ, чшобъ они сдались; но гнѣвное чело Эмира и угрозы его дѣйствовали на нихъ сильнее угрозъ разбойничьихъ; ни одинъ не положишъ оружія, не будешъ умоляшъ о пощадѣ разбойники посыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ конные бросились въ шѣнину.

Кшо предводишъ ихъ? Чья сабля сверкаешъ, какъ молнія?

„Эшо онъ! эшо онъ!“ — возопилъ *Гассанъ*;— „Эшо его блѣдное лице, его страшные глаза, его злобшіе взгляды. (**) Я узнаю воронаго коня его; но за чѣмъ онъ въ Албанской одеждѣ? Не уже ли перемѣнилъ вѣру? Ошсступникъ! эшо не спасешъ себя. Эшо

(*) Явленіе нерѣдкое у разъяренныхъ Турокъ. Л. Б.

(**) Злой глазъ, зловщій глазъ; предразсудокъ обыкновенный между жителями Востока. Л. Б.

онъ! это ненавистный *Глуръ!* гибель похищенному
мсей *Леллы!*“

Случалось ли вамъ видѣть, съ какимъ стремле-
ніемъ быстрая рѣка, впадая въ море, оподвигаетъ
назадъ морскія волны, и съ какою силою разсержен-
ный Океанъ воздымаетъ воды свои лазоревыми спол-
пами, оспанавливаетъ ярость свирѣпаго попока?
Раздробленные водяные брызги сверкаютъ, какъ мол-
нія, удары волнъ, какъ громы, поспрашаютъ берегъ—
и скалы понуцъ въ бѣлой пѣнѣ. Съ такимъ же не-
исповновомъ сполкнулись кипящія мясью дружины
Гассана и *Гаура*: звукъ скрестившихся сабель,
громъ ружейныхъ выстрѣловъ, свистъ смертоно-
снаго свинца, угрозы поражающихъ, споны пора-
жейныхъ, пугаютъ эхо долины, привыкшее впорить
пѣсни мирнаго пастуха. Сражающіеся не многочи-
сленны; но ихъ мучитъ жажда крови; никто не
умоляетъ о жизни, каждый наноситъ раны смер-
тельныя. Любовникъ крѣпко сжимаетъ любовницу
въ спрасниыхъ объятіяхъ; но никогда восторги
любви не доходятъ до того изступленія, какое
видно на лицѣ двухъ схватившихся нецрїашелей.
Ихъ руки замрутъ, а не опускаются, друзья лоб-
заютъ и разсшаютъ; любовь смѣтается надъ вѣчны-
ми узами; ненависть сводитъ живыхъ, разлучаетъ
только мертвыхъ,

Сабля *Гассанова* раздробилась въ куски; одна ру-
кою ея, обливая кровью, уцѣлѣла. Оцѣпенѣвшая

рука его держишь еще сіе желъзо, измѣнившее мщенію; увы! его рука опрублена; чалма разсѣчена въ самыхъ полсныхъ сгибахъ и повержена въ песокъ. Его разорванная саблею одежда побагровѣла, какъ упренное облако, предвѣщающее бурю. Лоскуты его палампора (*) развѣшены по колючимъ кустарникамъ; грудь изранена, онъ поверженъ на землю лицомъ къ небу, открытые глаза его еще угрожающъ, какъ будто бы ненависть пережила жизнь.

Злобный врагъ смотришь на убишаго; чело его столь же мрачно, какъ чело мертвеца

„Свершилось! *Лейла* погребена подъ волнами; окровавленная земля будетъ гробомъ *Гассана*! пѣнь *Лейлы* управляла желъзомъ, произвѣвшимъ злобное сердце его. Онъ взывалъ къ своему пророку; однако Магоммедъ не избавилъ его отъ моей ярости; онъ умолялъ Аллу; но молишва его опвергнуша, безумецъ, ты не внялъ мольбамъ *Лейлы*, какъ же ты хочешь, чшобъ твои были услышаны? Я все предъугошовилъ; подкупилъ солдатъ твоихъ; наказалъ врага непримиримаго; ушоллъ жажду мести; удаляюсь одинъ

Верблюды возвращающаеся на луга; мать *Гассанова* смотришь съ высокаго балкона; видишь, что роса падаетъ на зеленныя долины, что при появленіи

(*) *Палампоръ*, шаль, которую носилъ знатные Турки. Л. Б.

зари поблѣднѣли звѣзды. „Разсвѣшаешь, говоришь она, *Гассанъ* близко.“

Тревожимая пайнымъ предчувствіемъ, она спѣшишь въ садъ, шоропливо всходишь на высокую башню — и устремляешь взоръ на горную дорогу: „чтобы могло задержать его? Лошади его быспры; они привычны къ лѣшнему зноу. За чѣмъ не присылаешь онъ свадебныхъ подарковъ? Кого обвиняшь мнѣ: сердце ли его, или медленность коня? Я одна виновата! Ташаринъ ѣдетъ по хребту послѣдней горы; онъ уже спустился въ долину. Видно, чтошо въ порокахъ сѣдла его; эшо безъ сомнѣнїя гошпинець, присланный мнѣ сыномъ но какъ медленно тащишься эшошь гонецъ; развѣ онъ не знаешь, что я щедро награжу его за поспѣшность и шруды, понесенные имъ въ споль дальнѣй дорогъ?“

Ташаринъ сошелъ съ лошади у ворошь замка; дрожащими руками слагаетъ бремя и несетъ его. На загорѣломъ лицѣ его глубокая горесшь: можешь быть, эшо онъ изнуренїя; капли крови на его одеждѣ: можешь быть, эшо брызги онъ окровавленной шпоры; онъ открываетъ сокрытое подъ его епанчею Ангель смерти! эшо голова *Гассана*.

„Сынъ швой опшраждноваль кровавую свадьбу,“ — сказалъ онъ, — „меня пощадили не изъ жалости, но для шого, чтошобъ я принесъ тебѣ сей бѣдшвенный даръ; да будетъ миръ праху храбраго, погибшаго въ битвѣ! да будетъ прокляшь *Глуръ*, его

убійца.“

Чалма (*) изваянная изъ мрамора, вѣнчающая каменный столпъ, на дикомъ ушесѣ воздвигнутый и обросшій шерновникомъ, съ надписью изъ Алкорана, копорой половина уже изгладилась: вошь памятникъ въ долинѣ, означающій мѣсто, гдѣ погребенъ кровавый шрупъ *Гасеана*. Тутъ покоится Мусульманинъ, столъ же вѣрный пророку, какъ шѣ, копорые преклоняють колѣна въ Меккѣ, и обращаясь лицомъ къ святому граду, благоговѣно молясь каждый разъ, какъ услышатъ съ высоты минареша торжественное восклицаніе: *Алла-га*. (***) — Въ опечесивенной землѣ онъ палъ опъ руки Чужеземца; палъ съ оружіемъ — и не опмщенъ: кровь убійцы его не пролила на его могилъ; но Гуріи съ восторгомъ принимають его въ небесную обитель: ихъ свѣшлые очи будутъ всегда ему улыбаться; дѣвы сѣшашъ къ нему на встрѣчу, колебля покрывалами изумруднаго цвѣша и дають лобызаніе храброму.

Топъ, кпо погибъ сражаясь съ *Глауромъ*, достоинъ вѣчнаго блаженства. (***)

(*) Чалма на столпъ и сплхъ изъ Алкорана украшають гробницы Османовъ на кладбищъ и въ пусынь. Въ горахъ нерѣдко встрѣчаются такіе надгробные памятники: юдъ ими покоялся жертвы мяшежа, разбоя, или мценія. *Л. Б.*

(**) *Алла-га!* сими словами оканчивастся призываніе Мусульманъ на молитву. Если у глашатая звонокъ голосъ: то сіе призываніе съ высоты минареша въ шихую ночь имѣетъ какую-то торжественность. *Л. Б.*

(***) Слова изъ военной Турецкой пѣсни: „Я вижу черноокую дѣву рал, изумрудоцвѣтные власы ея по плечамъ раскиданы, она зовешъ меня *Л. Б.*

А ты, презрѣнный разбойникъ, ты будешь преданъ мстительной кость *Монкира* (*), и нѣтъ тебѣ другаго средства избавишься отъ мукъ имъ для тебя готовимыхъ, какъ скишаешься вокругъ черпозовъ *Эблса*. (**). Пожирающій огонь безпрестанно будешь палишь швое сердце; ни въ одномъ языкѣ нѣтъ слова для описанія несносныхъ, истинно адскихъ его мученій. Въ началѣ ты какъ *Упирь* (***) будешь сосланъ на землю; мершвыи шрупъ швой вспанешь изъ могилы. Бичь собшвенной своей родины, палачъ жены, сестры и дѣтей швоихъ, въ полночь будешь ты упиваешься ихъ кровью.

Въ часъ смерти они узнають отца своего, проклянуть его и будутъ взаимно прокляты; швои дочери погибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ; но смерть младшей, любимой изъ нихъ будешь для тебя всѣхъ мучительнѣе, она съ нѣжностью будешь называешь тебя именемъ отца, и сіе священное имя расперезаетъ швое сердце. Тщешно захочешь ты пощадить ее; ланины ея мало по малу поблѣднѣють; въ глазахъ послѣдняя искра потухнешъ и лазурь влажнаго зрачка ея почернѣетъ, Тогда, нечестивою рукою ошорвешь ты локоны длинныхъ влосовъ ея; Ахъ, сіи локоны были бы драгоценнымъ подаркомъ

(*) *Монкиръ* и *Пекиръ* адскіе судіи. Они пытають грѣшниковъ, припягивая ихъ косою, и ошпалкивая раскаленною палцею. Л. Б.

(**) *Эблсъ*, Восточный Плущонъ. Л. Б.

(***) *Вампиръ*, по Малороссійски: *Упиръ*. Въ жителн воспика уврены въ существованіи сихъ мершвецовъ-кровопійць. *Лордъ Байронъ* написалъ повѣсть, въ коей главное лице играеть *Вампиръ*.

любви: для себя, они оспаушя въ вѣчную память
швоего оспервѣненія; зубы швой скрежещуть съ
ощчаянія и съ успѣ каплешь собственная кровь
швоя. (*) Возвращисъ въ свою мрачную могилу, займи
тѣсно между нечислыми духами, копорые съ не-
годованіемъ удалащя ошъ мершвеца вѣтъ не на-
висшнаго

„Какъ называешя вы Калозра, (***) копорый бре-
дешъ по эшой уединенной пропиккѣ? мнѣ знакомо
лице его: я видѣлъ его въ моей землѣ опечешвен-
ной. Однажды вечеромъ онъ промчался, на быспромѣ
конѣ мимо меня, когда я сидѣлъ на берегу моря.
Я только одинъ разъ видѣлъ его чершы, но вну-
шреннее смяшеніе столь разишельно на нихъ изо-
бражалося, что я до сихъ поръ не забылъ ихъ. Нынѣ
чело его мрачно; мнишя, будшо смерть запе-
чашлѣла ихъ.

„Скоро исполнися шешъ лѣтъ, съ шѣхъ поръ,
какъ онъ между нами поселился: безъ сомнѣнія, онъ
въ сей пущынѣ ищешъ забвенія какого нибудь
спрашнаго, намъ неизвѣснаго злодѣянія; однако
онъ никогда не ходишъ съ нами ко всенощной, не
преклоняешъ колѣнъ предъ олшаремъ, не бываешъ на
исповѣди: онъ вѣчно сидишъ зашворникомъ въ своей
кельѣ; ни родъ, ни вѣра его намъ неизвѣсны.

(*) Полноша лица, уста запекшіяся кровью-сущъ лвыня признаки
Вампира, Угира. Л. Б.

(**) *Калозръ*, имя, копорое даюшъ Турки монахамъ, опшельникамъ.
Л. Б.

„Онъ пришелъ къ намъ изъ мѣстъ, гдѣ покланяющся Магомеду; однакожь онъ нимало не похожъ на Мусульманина! судя по лицу, онъ долженъ быть Христіанинъ. Еслибъ онъ не удалялся отъ нашего богослуженія: то всего скорѣе можно бы почестъ его за вѣроошеступника, раскаявшагося въ своемъ ужасномъ пресупленіи. Онъ внесъ въ монастырь нашъ богатыя вклады; и симъ расположилъ въ свою пользу Настоятеля. Еслибъ я былъ монастырскимъ Начальникомъ: то однихъ сушокъ не дозволилъ бы ему оставаться между брашн, или бы навсегда заперъ его въ пещерную келью. Часто, въ забывчивости говоришь онъ объ юной дѣвицѣ, кинушой въ море, о бившѣ, о бѣгшѣ, о мщеніи, о какомъ-то издыхающемъ мусульманинѣ. Многіе видали, какъ онъ сидя на спремнншомъ ушетѣ, въ припадкѣ мрачнаго изсупленія, вопилъ, что окровавленная рука, ему одному видимая, указываетъ ему мѣсто его могилы и принуждаетъ броситься въ бездну.

Его мрачное чело, не похоже на обыкновенное; оно закрыто чернымъ капшономъ. Молнія выскакивая изъ дикихъ очей его, напоминаетъ минувшее; переменный цвѣтъ лица пугаетъ наблюдателя. Въ немъ есть какая-то сверхъ-естественная сила непостижимая и неопразимая.

Какъ птица, бѣшь отъ страха крыльями, но не можешь удалиться отъ змѣи, ея вдыхающей:

шакъ во взорѣ сего чуднаго пришельца нѣчто приводитъ приближающихся къ нему въ расслабленіе.

Боязливый Инокъ сворачиваетъ въ сторону, избѣгая съ нимъ встрѣчи, какъ будто взоръ его и горькая улыбка родятъ въ душѣ робость и пресупные помыслы. Улыбка рѣдко проясняетъ чело его; ее назвать должно справедливѣе насмѣшкою. Его синія уста мгновенно цѣпещуть, какъ будто боль и негодованіе ихъ смыкаетъ. На его лицѣ никогда не выражалась открытая веселость сердца. Если хошише прочесть въ его чертахъ прежнія, глубоко написанная, чувствованія: то тяжело находишь въ нихъ оспашки чего-то возвышеннаго: злодѣянія не совсѣмъ еще унизили эту гордую душу. Прешолоудинъ видишь лице искаженное угрызениями совѣсти; внимательный наблюдатель открываетъ въ немъ душу благородную, челоуѣка знаменишаго происхожденія. Увы! къ чему послужили ему сіи дары? злодѣйство ихъ осквернило, спраданія преобразили! конечно небо ниспослало ихъ не подлой швари; шеперь они вдыхають одинъ ужась. Взоръ путешественника не оспанавливается надъ вешною, развалившеюся хижною; черпоги, опрокинутые войною или бурей, долго обращають на себя его вниманіе: ихъ рѣдкіе зубцы, ихъ своды повиликою завѣшенныя, столпы уединенно-стоящіе, свидѣтельствуютъ объ ихъ прежнемъ великолѣпнн

.

Взгляните, какъ онъ закушавшись широкою епанчею мелькаешъ между столпами по узкимъ переходамъ Гопической церкви. Печальнымъ окомъзираешъ на священные обряды, и въ часъ, когда молящіяся опшельники преклоняють колѣна и возглашають гимны, онъ удаляешся въ ближій прищворъ, шускло освѣщенный лампадою: опшоль внимаешъ онъ моленіямъ. Взгляните, онъ сбросилъ чернѣйшій капшонъ: густые локоны въ безпорядкѣ рассыпались и покрыли блѣдное чело его, — какъ будто Горгона змѣями съ головы своей увѣшала голову эшаго нечистаго духа. Правда, онъ носить нашу одежду; но не исполняешъ нашихъ обрядовъ. Онъ приносишь дары алшарю не изъ благочестія, а изъ шщеславія: онъ не произнесъ еще обѣщаній и даже не считаешся въ числѣ послушниковъ.

Высокіе церковные своды гремятъ хвалами Господу; замѣчайте эшо мершвое лице, эшу ледяную наружность; на нихъ чешкими буквами написаны гордыня и опчаяніе. Свяшій Францискъ! великій угодникъ божій! покровишель нашей обштели! удали опъ алшаря сего изверга; или гиѣвь божій грянешъ надъ нашими главами въ чудномъ знаменіи. Если духъ шьмы принимаешъ на себя видъ чедовѣческой: шо вѣрно являешся онъ въ образѣ сего мрачнаго пришельца. Клянусь именемъ милосердаго Бога: въ эшихъ взорахъ нѣтъ ничего принадлежащаго землѣ и небу.“

Любовь легко покоряетъ сердца нѣжныя и шихія; но они боязливы и не спасутъ ея спраданій, они слабы — и не могутъ бороться съ опчаяніемъ, еще менѣе побѣдить его. Любовь не полногласный ихъ властитель. Въ сердцахъ швердыхъ любовныя раны вѣчны.

Мешаль, добытый изъ рудника, огнемъ очищается; онъ въ горнилѣ расплывается, а не перемѣняется; послушный, онъ принимаетъ всѣ образы: онъ наноситъ смерть, или жизнь защищаетъ; панцырь — онъ прикрываетъ грудь вашу; мечъ — онъ пронзаетъ грудь вашего непріателя. Художникъ, который обшачиваетъ его остріе, долженъ самъ остерегаться! подобно сему пламень спрастей и искусство женщины смягчаютъ и образуютъ мѣдное сердце. Но однажды принявъ какой нибудь образъ: оно его не перемѣнитъ; надобно его разбить, чтобы заспавитъ принять новый . . .

Если бѣдствія загнали челоуѣка въ пустыню: то онъ съ нешеритіемъ ждетъ конца своей ссылкѣ и благословляетъ смерть, какъ освободительницу. Недѣлимая радость не въ радость, и счастье не было бы счастье, еслибъ мы не въ двоимъ имъ наслаждались.

Сердце, обнаженное опъ чувствованій нѣжныхъ, наполняется ненавистью. Его мученіе похоже на то, какое ощутили бы мертвецы, еслибъ вдругъ почувствовали гробовыхъ червей, ползающихъ по ихъ тѣлу и не имѣли бы средствъ согнать ихъ

оно похоже на опчаяніе той пустынной пшпцы, кошорая своєю кровью пишая пшпцовъ, и расперзавъ ушробу, не нашла бы ихъ въ опустѣвшемъ своемъ глѣздѣ. — Она съ удовольствіемъ жершвуетъ своимъ малюшкамъ жизнью; но для нее ужасно пережишь ихъ!

Жеспочайшая горестъ покажешя радостью въ сравненіи съ гробовою пустошю, съ знойною степью сердца, поштерывшаго всѣ предметы своей привязанности. Осужденный вѣчно смопрѣшь на небо безъ солнца и безъ облаковъ, вышерцѣлъ бы самую упонченную пышку.

Для несчастливца, бурєю брошеннаго на необитаемый берегъ, пишина моря несноснѣ рева гнѣвныхъ валовъ. Для него лучше было бы въ одинъ мигъ умереть, нежели умирашь долго и ежеминутно . . .

„Честный отецъ, ты провель всю жизнь перебирая чешки, въ пошѣ и бдѣніи; чуждый мірскихъ суешъ и грѣховъ, съ юности до старости, ты оппускалъ грѣхи кающимся и испышалъ только неизбѣжныя всѣмъ смершнымъ, скоропременно скорби и укрылся опъ бѣдешвій. Ты благословляешь Небо, удалившее опъ себя грозныя бури спраспей, споль пагубоносныя человѣкамъ, кошорыхъ раскаяніе приводишь къ тебѣ и кошорые слагаюшь свои грѣхи и заблужденія въ швое сердце, дышущее непорочношью и благоволеніемъ. Чшо касаетя до меня: шо въ крашкое время жизни, часто пиль я

изъ чаши наслажденія и еще чаще изъ чаши горести. Благодаря смѣси удовольствій и опасностей, я избѣгнулъ однообразія. Сегодня пируя съ друзьями, завтре сражался съ врагами, я боялся одной праздности. Теперь не осталось у меня предмета любви и ненависти; никто не пробуждаетъ въ душѣ моей ни надежды, ни честолюбія; и я бы лучше желалъ бытъ подлымъ насѣкомымъ, пресмыкающимся по сырой стѣнѣ пюрмы, чѣмъ поминуться въ удушасющей тишинѣ холоднаго размысленія. Однако же, я ощущаю въ сердцѣ темное желаніе вѣчнаго покоя, хотя и несносна мнѣ всякая мысль о покоѣ. Скоро судьба меня услышитъ: засну, и въ грезахъ своихъ не увижу себя ни такимъ, какимъ былъ, ни такимъ, какимъ бытъ желалъ.

Моя память есть могила счастья, давно, давно утраченнаго; оно не воскреснетъ. За чѣмъ не погибъ я съ нимъ вмѣстѣ? Моя душа не оробѣла; она мужественно встрѣтила приближающіяся бѣдствія; она не искала избавиться отъ нихъ самоубійствомъ, не избрала одной дороги съ ложными мудрецами древности и малодушными прусами время новѣйшихъ. И сіе не отъ страха смерти; я храбро встрѣшилъ бы ее на полѣ брани, еслибъ рокъ поставилъ меня подъ знаменами славы, а не любви. Я храбро встрѣшилъ бы смерть, несоблазняемый суешными почестями; не хочу лавра, за копорымъ гоняется честолюбивый, или алчный корысти воинъ! Но пусть покажутъ мнѣ цѣль, для доси-

Кн. XVII.

женія которой не постыдно броситься въ опасность: красавицу, мною спраспно любимую, или врага ненавистнаго; ни лѣсъ копій, ни попоки огненные меня не оспановяшъ; спасу милую, пронжу сердце враждебное. Ты можешь мнѣ повѣрить: я говорю о шомъ, что уже мною исполнено. Гордый идешь на встрѣчу смерти, слабый принимаетъ ее безъ ропота, несчастный ее вызываетъ. Возвращаю жизнь Творцу, ошъ Кощораго получилъ ее. Будучи силенъ, и молодъ, и счастливъ, я не блѣднѣлъ при видѣ опасности: теперь не время шренешать о жизни!

„Свяшый Ошець! я любилъ, я обожалъ.... Сія слова не имѣють значенія въ устахъ у пошлыхъ любовниковъ..... Мои дѣла лучше кляшвъ доказали безмѣрность моей спраспи. На эшомъ мечѣ оспалось кровавое пяшно, кошорое никогда не смоешся. Сія кровь пролиша за ту, кошорая за меня погидла.... Сія кровь оживляла сердце ея мучишеля..... Не ужасайся, не преклоняй колѣна; въ глазахъ швоихъ эшо не должно казаться злодѣяншемъ; ты можешь ошпустишь мнѣ сей грѣхъ: мой врагъ былъ врагъ швоего Бога; онъ кипѣлъ гнѣвомъ при одномъ имени Иисуса; онъ былъ изступленный Мусульманшнъ..... Я любилъ *Ленлу*: любовь проникаешъ въ мѣста самыя дикія, и ештли влюбленный смѣлъ, шо рѣдко спрасшь его оспашется безъ успѣха. Я въздыхалъ не шщешно; однако совѣшшь

часто говорите мнѣ, что лучше бы *Ленъ* сохранилъ вѣрность къ предмету первой своей спраси. Она умерла; не смѣю открыть себѣ, какую смертью; взгляни на меня — и читай! Проклятіе и преступленіе Каина нарѣзаны на лицѣ моемъ неизгладимыми чертами. . . . но не смѣи обвинять меня. Я былъ виновникомъ ея казни; но не исполнил ея. Признаюсь, что я также бы пощупилъ, если бѣ былъ на мѣстѣ ея палача. Ему измѣнили — и онъ безжалостно умершилъ ее. Я былъ предпочтенъ ему — и вспыхнулъ мещью. Приговоръ его справедливъ; но для меня ея измѣна служила доказательствомъ ея ко мнѣ спраси. Она опдала мнѣ свое сердце, одинъ предметъ, который неподвластенъ никакому мучителю; а я! я опоздалъ; я не успѣлъ спасти ее; но сдѣлалъ все, что могъ. . . . умершилъ ея убійцу. Но смерть есть легкое наказаніе, а казнь его жертвы сдѣлала меня для всѣхъ предметомъ отвращенія. Неизбѣженъ былъ смертный приговоръ его, и смерть предсказана ему спрогимъ *Тигоромъ*, который слышалъ свистъ смертоноснаго свинца въ ту пору, когда Эмиръ собирался въ дорогу (*).

Блаженъ, погибающій въ сраженіи; онъ недолго томится! Напрасно Эмиръ призывалъ Аллу и Магомеда; онъ узналъ меня — и сабли наши скрестились. Я смотрѣлъ на него, когда онъ испускалъ последнее дыханіе; израненный, какъ Леопардъ, копо-

(*) Я самъ видѣлъ примѣръ такого предчувствія. Имъ сѣло вѣрять на Востока. Л. Б.

раго настигли копыта ловцовъ; онъ не чувствовалъ и половины мукъ моихъ. Я искалъ въ его глазахъ выражение посяраженнаго гордыни; но въ чертахъ помертвѣлаго лица его видна была ярость, а не мученіе совѣсти. Дыша месью, я бы дорого заплашилъ за то, чтобы замѣшить на немъ слѣды опчаянія и еего раскаянія неблаговременнаго, которое виднѣтъ въ могилѣ адъ, и ни одного луча милосердія, утѣшенія.

.

.

Кровь жипелей Сѣвера также холодна, какъ воздухъ, коимъ они дышатъ; у нихъ любовь не спрасьтъ; моя любовь пылаешь, какъ лава, извергаемая Эпнью. Мнѣ не извѣстенъ подлащенный языкъ любовниковъ и красавицъ; но если внезапная перемяна въ чертахъ лица, кровь кипящая какъ пламень, судорожное движеніе устъ, сердце, которое раздражается, но не рощетъ; безумство, отважность и мщеніе однимъ словомъ, если все, что я прежде чувствовалъ и что еще теперь чувствую, суть ясные признаки любви: то я любилъ истинно — и жизнь моя тому горешное доказательство. Я никогда не вздыхалъ, не плакалъ; я хощлъ успѣха, или смерти.

„Кончина моя близка; могу сказать, что я былъ счастливъ; и теперь ли убоюсь судьбы, съ коюрою сшоль часто боролся? Нѣтъ, душа моя не покорилась; одно воспоминаніе о *Леннѣ* меня возмущаетъ; опдайте мнѣ минувшіе дни мои съ ихъ переменными радостями и печалами — и я опять соглашусь

жишь и любишь. Святый Отецъ! пожалѣй объ умирающемъ несчастливцѣ; онъ не будетъ имѣть утѣшенія покоиться въ одной могилѣ съ *Ленлою*; она погребена на днѣ морскомъ. *Ленла* была Ангель жизни и свѣта; я увидѣлъ ее; она сдѣлалась половиною души моей. Куда ни обращалъ я взоры, она вездѣ являлась мнѣ, какъ звѣзда лучезарная.

Такъ! любовь есть небесный лучъ, искра того безмернаго огня, который равно горитъ для насъ и для Ангеловъ, и который заронилъ намъ въ душу Творецъ, чтобы ошорвать насъ отъ низкихъ земныхъ помысловъ. Благочестіе возноситъ къ Небу душу праведника, само Небо сходитъ къ намъ въ душу съ любовью. Это божественное чувство, испребляющее все неблагородное; это лучъ Звиздизшеля вселенны; это звѣздный вѣнецъ для сердца. Можетъ быть, моя любовь и не со всеѣмъ чиста; можетъ быть, она похожа на ту спрась, которую люди несправедливо называютъ сямъ именемъ. Не спорю! но любовь *Ленли* была непорочна, никто не увѣришь меня въ прошивномъ. Она была пушевною звѣздою моей жизни и угасла. Кто же озаришь мракъ, меня окружающій? Удивительно ли, что человекъ, поперявшій и счастье и надежду, предается черной печали и въ безумствѣ своемъ обвиняетъ судьбу? удивительно ли, что въ сльпомъ изспунленіи совершаешь онъ злодѣйства, которые усгубляютъ его несчастія угрызениями совѣсти? Увы! чего бо- ашься человекъ, котораго сердце расшерзано? Па-

дая съ вершины счастья, никакъ не спрашиваешь о глубинѣ пропасти? Вижу, благочестивый Сшарецъ, что послѣ моей исповѣди, мои дѣла возбуждаютъ швое негодование болѣе, нежели кровавый пиръ яшребовъ; моя участь во всѣхъ вселяшь ненависть. Подобно хищной птицѣ, я почилъ кровъ ручьями; но, подобно смиренной голубицѣ, умираю вѣрнымъ моей первой спраски. Человѣкъ многими уроками въ жизни обязанъ низшимъ себя шварямъ: соловей, поющій въ кустарникѣ, лебедь, плывущій по озеру, имѣющъ одну подругу и никогда ей не измѣняющъ. Легкомысленный смѣется надъ вѣрностью; но я не завидую переменчивымъ его удовольствіямъ, и предпочитаю лебедя сему влому и слабодушному человѣку. Какъ онъ бѣденъ, даже въ сравненіи съ несчастною, имъ обольщенною! я не причесень измѣитъ; я всегда считалъ за подлость бышь обольстителемъ невинности. О, *Лейла*! тебѣ — всѣ мои мысли; онъ тебѣ — мое блаженство, мои преступленія, мои спраданія, мои надежды! Нѣтъ на землѣ подобной ей красоты; но если бъ и нашлася, то за всѣ царства вселенной не согласилася бы я взглянуть на ту, кошорая была бы на нее похожа. Преступленія моей молодости, смершная постыла, послѣдній часъ надо мною шягнущій, ручающася за мою вѣрность. Я сдѣлался безчувственнымъ: *Лейла* была, *Лейла* и осталася мнѣйшею мечною моего сердца.

Она погибла — а я перенесъ это! но я дышала не шѣмъ воздухомъ, кошорый поддерживаешь жизнь другихъ людей. Холодная змѣя сосала мое сердце; ея жало ошравляло всѣ мои мысли; земля мнѣ опошмыляла; вся природа наскучила; всѣ мѣша, кошорыя прежде меня плѣняли, одѣлись въ чорный цвѣшь души моей: оспальное шебѣ извѣстно!

Поди въ пещеру къ львицѣ, у кошорой ловцы дѣшей похинили; можешь бышь, шебѣ удастся упошлишь опчаяніе машери; но не думай ушѣшашъ меня; не ругайся надъ моимъ несчасхіемъ. Въ дни юности, въ сіе блаженное время, въ кошорое сердце любишь сливашься съ сердцемъ друга, у меня, въ моемъ опечесствѣ, былъ другъ Увы! сберегъ ли я его? опошли ему сей знакъ нашей первой дружбы: пусть онъ узнаешь, что меня не спало. Въ часы, когда человекъ углубленъ въ самого себя, я посвящаю опсушешвуюющей дружбѣ одну минушу: мое несчасхіе имя ему дорого. Онъ предсказалъ мнѣ мою участь; я надъ нимъ смѣялся; смѣялся надъ его благоразуміемъ. Нынѣ часто привожу себя на память слова, кошорымъ тогда не давалъ вѣры. Пусть онъ опспрещешъ, узнавъ, что сбилось его предсказаніе. Скажи ему, что хотя въ буряхъ и несчасхіяхъ жизни рѣдко имѣлъ я досугъ воспоминашь дни юности; но въ послѣднія минушы благословлялъ его опшдай ему эшошь перешень, его же подарокъ; опиши ему все, что ты видишь: изможденное шѣло, чорештую душу, сухое дерево съ завядшими листьями,

почертившее ошь пламеннаго дыханія бурь
. (*)

Не думай, Свяшый Ошець, чшо эшо былъ бредъ,
чшо я забываюсь нѣшъ, я въ памяши, мнѣ
хочешся плакашь не могу! Голова моя го-
ришь! Какъ бы слезы облегчили мое сердце!
они были бы для меня цѣлишельнымъ бальзамомъ. Я
вижу *Ленлу* . . . увѣрю себя, благочешивый Инокъ,
чшо эшо она обернуша гробовою пеленою; лу-
чезарна, какъ звѣзда, кошорая сізешъ шеперь шамъ
выше облака, кошорая уступила бы *Ленлу* въ блескъ;
глаза мои померкають, едва могу различить дро-
жащее сіаніе сей звѣзды; завшрешняя ночь бу-
дешъ еще шемнѣе; ты освѣщишь своими лучами
безжизненный мой трупъ — ужась живыхъ
но я шперяю чувешва душа моя гошова вшпу-
кить въ свою вѣчную обитель.

Я узнаю *Ленлу*, забываю все свои бѣдствія; бро-
саюсь съ поштели и прижимаю ее къ моему изныв-
шему сердцу Я обнялъ шщешный призракъ!
сердце ея не ошвѣчасъ біенію моего сердца. Однако
эшо образъ *Ленлы* эшо она сама, не уже ли
сущешво швое перемѣнилось, и я могу шолько ви-
дѣшь, а не осязать себя? чшо нужды, чшо шѣло,
швое холодно? Позволь мнѣ сжашъ себя въ объ-
шїяхъ? Увы! дрожація руки мои скрешились

(*) Точки звездъ поставлены *Лордомъ Байрономъ* и показывають без-
порядочное состояніе души *Глура*, шерзаемаго совѣшью. В.

на осирошѣлой груди моей Призракъ ускользнулъ опъ нихъ но *Ленла* все еще предо мною безмолвна и шиха она привѣшпшвуешь меня рукою, манишь меня; вошь ея прекрасные черные волосы! За чѣмъ ты явилася? мнѣ сказывали, что безчувственныя волны сокрыли швой прелесши; мнѣ сказывали : языкъ мой опшказываешся повшоряшь ужасное сіе извѣстіе. Ештли оно справедливо; если ты оставила волны морскія для шого, чшобъ испросишь себѣ на землѣ шихую могилу: положи свою влажную руку на горящее чело мое, ушли несшпершимъ жаръ его, или на сердце, въ коемъ живешь опчаяніе. Тыш *Ленла*, не покидай меня, возми меня съ собою, проводи душу мою въ шакое мѣсто, гдѣ бы не шерзали моего слуха ни шумъ валовъ, ни бушеваніе вѣшровъ!

„Свяшый Ошець! тебѣ извѣшно мое имя и мои приключенія; тебѣ одному вѣшрилъ я мои горешши; ты общалъ мнѣ шайну. Благодарю тебся за слезы сосшраданія, кошорыя ты пролилъ надъ моими бѣдшвіями; мои оледѣвшіе глаза не могушь плакашь похорони меня въ безвѣшномъ уголкѣ кладбища, поставъ деревянный крешъ на моей могилѣ; не хочу никакого другаго памяшника; не означай моего имени; сокрой его опъ любопытнаго путешештвенника и набожнаго постѣшнителя.“

Онъ умеръ! Инокъ бывшій при немъ въ послѣдніе часы жизни, облегчившій ему переходъ къ смерти, одинъ зналъ его имя и его исторію. Съ прудомъ могли мы собрать отрывки здѣсь предлагаемые; они содержатъ шемныя извѣстія объ его возлюбленной и о смерти его непріятеля. (42)

Я.

Царское Село.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СЕСТРЬ.

Оставивъ въ радостной сполницѣ,
Веселой, ласковой пріюти,
Считала, что мнѣ къ моей сестрицѣ
Писать со всѣмъ не будешь трудъ;
Но чтожъ? — Безъ малаго два года
Я прожилъ возлѣ Иртыша,
Гдѣ и бурянь, и непогода,
Другъ съ другомъ въ запуски спѣша,
Мертвѣвшъ всѣ мысленныя силы
Жильцовъ угрюмой той страны;
А я изъ дальнейшой могилы,
Хотя бы то для новизны,
Мнѣ для приличья, или изъ чести,
Шли, какъ водились, изъ лесни
Не написала къ тебѣ письма.
Я расскажу сему причины:
Сперва, степей глухихъ картины,
Природы дикой кустерма,
Меня опрадно занимала

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

А. Воейкосымъ.

СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ, 1826.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П р о з а.	Стр.
Прогулка въ селѣ Кусковѣ	97.
Гяуръ	114.
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Къ сестрѣ	154.
Жизнь	157.
Бейронъ	—
Любовь пройдетъ	158.
Тоскъ	159.
Надгробіе	—
Эпиграмма	160.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.